

Колесникова О. В. Особенности вербализации семантики следствия во фразеологической картине мира русского языка / О. В. Колесникова // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 85—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96.

Kolesnikova, O. V. (2018). Features of Verbalisation of Semantics of Consequence in Phrasological Picture of the World in the Russian Language. *Nauchnyy dialog*, 2: 85-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'373::159.942.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96

Особенности вербализации семантики следствия во фразеологической картине мира русского языка

© Колесникова Ольга Вячеславовна (2018), orcid.org/0000-0001-8105-3830, кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (структурное подразделение «Таврическая академия»)» (Симферополь, Республика Крым, Россия), olgakolesnikova128@gmail.com.

Статья посвящена изучению фразеологических единиц с семантикой следствия. Рассматривается один из сегментов концепта КАУЗАЦИЯ, который охватывает причинно-следственные, целевые, условные и уступительные отношения. Лингвокультурологический анализ позволяет выявить национально-культурные особенности вербализации указанной семантики на уровне фразеологии. Показано, что фразеологизмы, содержащие в своей структуре следственный компонент, представляют ситуации эмоциональных потрясений, большого физического и умственного напряжения, имеют при себе причинные распространители *от кого-*, *от чего-либо*, включаются в контексты, содержащие указание на причину. Анализируемый материал подтверждает известный тезис о том, что идиомы, описывающие отрицательные эмоции, в количественном отношении преобладают над фразеологическими единицами, представляющими положительные эмоции. Представлена структура данной тематической группы фразеологизмов, предполагающая вычленение таких семантических групп, как «Радость. Восторг. Счастье», «Страх. Ужас», «Гнев. Ярость», «Отчаяние», «Тревога. Беспокойство. Волнение», «Смушение. Стыд», «Грусть. Печаль», «Удивление. Изумление», «Страдание. Мука». Описаны основные образы, лежащие в основе фразеологизмов исследуемой тематической группы. Отмечается, что в структуре фразеологизмов частотны компоненты *сердце*, *душа*, *голова*, *ум*, *память*, символизирующие эмоциональное и интеллектуальное начало в человеке.

Ключевые слова: фразеология; лингвокультурология; семантика следствия и причины; эмоциональное состояние.

1. Введение

Фразеологизмы представляют собой наиболее культурно маркированные единицы языка. Это обуславливает их изучение в современной лингвистике в контексте культуры [Маслова, 2004; Мокиенко, 1990; Прадид, 1997; Селиванова, 2004; Телия, 1996; Эмирова, 2008 и др.]. При этом одним из приоритетных подходов к исследованию фразеологизмов является лингвокогнитологический.

Актуальность нашего исследования заключается в реализации лингвокогнитологического подхода к изучению фразеологических единиц, объединенных семантикой следствия, которую нужно рассматривать в рамках мегаконцепта КАУЗАЦИЯ. Цель исследования — в выявлении специфики вербализации следственной семантики фразеологическими средствами русского языка.

Вслед за Т. А. Яценко мы понимаем под каузацией устанавливаемое субъектом отношение между каузирующей и каузируемой ситуациями, которое реализуется в языке определенным репертуаром лексико-грамматических и контекстуальных средств [Яценко, 2006, с. 97]. В данном исследовании каузация понимается широко, она включает в себя причинно-следственные, целевые, условные и уступительные отношения. Этот подход реализуется в ряде исследований [Богуславская и др., 2001; Золотова и др., 1998; Левонтина, 2006; Онипенко, 1985; Степанов, 1991; Труб, 1993; Яценко, 2006].

Исследования, посвященные каузации, свидетельствуют о том, что номинализация причины и следствия гораздо частотнее, чем номинализация других каузальных отношений (см.: [Богуславская, 2001; Золотова, 1973; Онипенко, 1985; Теремова, 1985 и др.]).

Извлечение фактического материала путем сплошной выборки из фразеологических словарей [Большой ..., 2006; Жуков и др., 1987; Жуков и др., 2016; Фразеологический ..., 1986] и анализ их употребления в контекстах, приведенных в Национальном корпусе русского языка, позволили доказать, что причина и следствие имеют более частую фиксацию в фразеологической картине мира русского языка, чем цель, условие или уступка.

Взаимозависимость причины и следствия представляет ядро каузальных отношений как наиболее типичной и существенной связи объективной действительности. Тесную связь между причиной и следствием усматривает уже А. А. Потебня, говоря о причине прежде всего как о действии, на-

правленном на объект: «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия *причины* (рус. *причина* есть *причиняющее* (nom agentis), *причинение* (совершение действия), *причинённое* (совершённое, сделанное): отражение действия на предмете имеет *причину*о действие субъекта)» [Потебня, 1989, с. 7]. Традиционно изучение причинно-следственных отношений связывают с общим представлением о *причине* как о реальном событии, предшествующем другому событию (*следствию*) и вызывающем его. По мнению М. В. Всеволодовой и Е. Н. Виноградовой, причину и следствие нельзя рассматривать как самостоятельные категории, так как «причина существует тогда и только тогда, когда существует следствие» [Всеволодова и др., 2001, с. 70]. Это положение позволяет говорить о двуединстве причинно-следственных отношений.

2. Национально-культурные особенности репрезентации семантики следствия фразеологическими средствами русского языка

Фразеологические единицы (далее — ФЕ), репрезентирующие семантику следствия, представлены преимущественно фразеологическими сочетаниями со значением эмоционального состояния человека. Показательно, что при семантизации этих выражений в толковых и фразеологических словарях [Большой ..., 2006; Жуков и др., 1987; Жуков и др., 2016; Фразеологический ..., 1986] указываются регулярные распространители *от кого*, *от чего* и приводятся иллюстрации, включающие причинный компонент: *вне себя от кого, от чего* ‘в крайне возбуждённом или раздражённом состоянии’ [Фразеологический ..., 1986, с. 418]: *вне себя от ярости; с ума сходить от кого, от чего* ‘проявлять чрезмерное восхищение, неистовствовать, увлекаясь кем-л. или чем-л.’ [Там же, с. 465]: *с ума сходить от любви* и т. д.

ФЕ указанной семантики могут описывать как положительные, так и отрицательные эмоции. По мнению А. М. Эмировой, в фразеологизмах, связанных с выражением и обозначением эмоций, нашли отражение не высшие социальные чувства, а преимущественно так называемые низшие эмоции в широком объеме градации их интенсивностей [Эмирова, 1988, с. 69—70]. «При этом обращает на себя внимание то, что во внутренней форме анализируемых фразеологических единиц отразились физиологические механизмы различных эмоций, а также их внешние (жестово-мимические, моторные и др.) проявления: *мурашки по коже поползли, кровь (краска) бросилась в лицо, ни кровинки на лице нет, сердце падает (обрывается), глаза на лоб лезут, глаза на мокром месте, в печёнках си-*

дит, с лёгким сердцем и др. С этим связана и частотность в составе таких идиом слов, называющих те органы или части тела, которые «ответственны» за определенные эмоции — *сердце, голова, глаза, кровь, кожа, печень* и др.» [Там же, с. 70].

Следует отметить, что фразеологизмы, описывающие отрицательные эмоции, значительно преобладают над ФЕ, представляющими положительные эмоции.

3. Образы, лежащие в основе фразеологизмов с семантикой следствия

При анализе фразеологических единиц с семантикой следствия можно отметить ряд образов.

ОБРАЗ, ОСНОВАННЫЙ НА ОППОЗИЦИИ «ВЕРХ — НИЗ». «Верх / низ» — одна из основных семиотических оппозиций в славянской картине мира. «Верх» наделен символическими признаками «хороший», «благополучный», «плодородный», «обильный», «жизненный», а «низ» — признаками «плохой», «неблагополучный», «скудный», «смертельный» и др.

Во внутренней форме фразеологизмов, описывающих положительные эмоции, фиксируется пребывание субъекта наверху (*на верху блаженства; попадать / пасть на седьмое небо* и т. д.). Компоненты *верх блаженства, седьмое небо* символизируют высший предел переживания приятных ощущений: *И оттого лишь на верху блаженства, Что в пепле сердца слышат слог сырой!* [НКРЯ]. При этом негативные эмоции соотносятся с низом, с чем-то тяжелым и тягостным. Ср.: *камень с души (с сердца) свалился у кого*. Данный фразеологизм образован метафорой, уподобляющей переживания, тревогу, плохие предчувствия тяжести камня. Компонент *камень* соотносится с природным кодом культуры, восходит к архетипической оппозиции «лёгкий — тяжёлый» и символизирует негативные эмоции человека. Например: *У всех камень свалился с души, — Адольф Задер был цел, весел и полон бурных планов* [Там же].

В ФЕ выявляется метафора «переживание положительных эмоций — стремление субъекта наверх», ср. *не слышать (не чувствовать) ног под собой (не слышать земли под собой)*. Образ ФЕ восходит к древнейшим формам осознания мира и соотносится с телесным кодом культуры. Компонент *ноги* символизирует опору, при помощи которой человек находится в привычном для него вертикальном положении. Пребывание субъекта в сильном эмоциональном возбуждении уподобляется отсутствию необходимости в данной опоре при быстром передвижении: *Она носилась по комнате и не слышала ног под собой от счастья* [НКРЯ].

ОБРАЗ, ОСНОВАННЫЙ НА ОППОЗИЦИИ «РАЗУМ — ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАЧАЛО». Для разных языковых культур традиционно уподобление тела человека сосуду, в котором заключено духовное, чувственное, ментальное, то, что предстает как чувственно-мысленное «Я» человека. При этом внутреннее «Я» и телесная оболочка, как правило, составляют единое целое. ФЕ *без ума от кого, от чего; без памяти от кого, от чего* и др. отображают стереотипное представление о крайне эмоциональном поведении, когда чувства перестают подчиняться разуму.

В основе образов данных ФЕ лежит метонимическое отождествление *ума, памяти* и нормального психического состояния человека. Фразеологизмы содержат также метафору, отображающую представление о «разъединении» интеллектуально-волевого и чувственно-эмоционального «Я», в результате чего человек в полной мере оказывается во власти чувств и эмоций, уходящих из-под контроля рационального начала [Большой ..., 2006, с. 32]. Например: — *Думаю, что ничего нового вы от меня не узнаете. Жанна, наверное, уже сказала вам, что все юноши нашей группы были от Оксаны без памяти, только ей это было всё равно* [НКРЯ].

ОБРАЗ «ПЕРЕЖИВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ — ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ». Данные образы лежат в основе ФЕ, описывающих эмоции страха, ужаса (*мороз по коже (по спине) дерёт (подирает, продирает, пробегает, идёт) / подрал (продрал, пробежал, пошёл, прошёл); мурашки бегают (ползают) / забегали (поползли, пошли, пробежали, побежали) по спине (по телу, по коже); холодеет / похолодело на сердце (в груди) у кого; кровь стынет (леденеет, холодеет) / застыла (в жилах) у кого*). Компоненты *сердце, кровь, кожа* соотносятся с телесным кодом культуры и называют те органы и части тела, которые страдают в результате эмоционального переживания субъекта или реагируют на них: *Она посмотрела на Жугу и почувствовала, как по спине забегали мурашки. Если они — варяг, цыган и ученица колдуна — лишь искорки в ночи, то кто же он, этот нелепый рыжий странник, вышедший за них на бой?* [НКРЯ].

ОБРАЗ «ПЕРЕЖИВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ — СОМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗМЕ». Репрезентация эмоции страха фразеологическими средствами русского языка связана с описанием различных физиологических изменений в организме: утрата способности дышать (*не сметь дохнуть (дыхнуть)*), говорить (*язык прилип (присох) к гортани у кого*), а также нарушение нормального функционирования организма человека или отдельных органов и частей тела (*руки (и ноги) трясутся у кого; сердце замирает / замерло; поджилки трясутся / затряслись у кого*): *Она оцепенела от страха и не смела дохнуть, так же как и ее младший брат. Тетя*

Эмма опомнилась раньше прочих. Она, улыбаясь, смотрела на молодого человека, монументально застывшего с розой в руке. Макс открыл рот, пытаясь хоть что-то сказать, но **язык прилип к гортани** [Там же]. В последнем примере причина упоминается в контексте.

Вербализация эмоций тревоги, беспокойства, волнения связана с описанием повышения или понижения температуры тела человека (*пот пришибает / прошиб кого; бросает (кидает) в жар кого; бросает / бросило (ударило) в (холодный) пот кого; бросает (кидает) в дрожь кого*): Видимо, он шел следом за профессором, неслышно ступая в мягких своих унтах, и остановился вместе с ним. Анатолия Карловича неожиданно **бросило в жар**. Он узнал этого человека [Там же].

Кроме того, данные эмоции могут быть связаны с болью, неприятными ощущениями (*кошки скребут / заскребли на душе (на сердце); скребёт / заскребло на сердце (на душе)*), с нарушением нормального функционирования организма (*не находить / не найти (себе) места; кусок в горло (в глотку) не идёт / не пойдёт кому*): Иногда было впечатление, что он тяготеет своими обязанностями, **не находит себе места**, замыкается и становится малопривлекательным в общении [Там же].

ОБРАЗ «ПЕРЕЖИВАНИЕ СИЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ — ДЕФОРМАЦИЯ ЧАСТИ ТЕЛА ИЛИ ОРГАНА ЧЕЛОВЕКА». Данный образ лежит в основе ФЕ, описывающих эмоции гнева, раздражения: (*вся*) *кровь кипит у кого; наливаясь / налиться кровью* и т. д. В структуре таких фразеологизмов функционируют соматизмы *сердце, кровь* и др., называющие органы и части тела, подвергающиеся изменению в результате эмоциональных переживаний субъекта: — *Спрашиваю, где? — рывкнул князь, наливаясь кровью, от злости у него покраснело лицо, шея и глаза* [Там же]. Эти компоненты метонимически замещают самого субъекта, испытывающего сильные эмоции.

ОБРАЗ «СИЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ — ГОТОВНОСТЬ К КРАЙНИМ МЕРАМ». ФЕ, базирующиеся на данном образе, описывают ситуации отчаяния, безысходности и по структуре являются обобщённо-личными предложениями с уступительным союзом *хоть*: *хоть головой об стену (стенку) бейся; хоть (заживо (живой)) в гроб ложись; хоть криком кричи; хоть ложись да помирай* и др. Во внутренней форме данных ФЕ чаще всего фиксируется готовность умереть, на что может пойти человек, испытывая сильное эмоциональное переживание: *Погасло, взметнувшись, пламя свечи. И ужас обуял, хоть криком кричи* [Там же].

ОБРАЗ «ПЕРЕЖИВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ — ЖЕЛАНИЕ СПРЯТАТЬСЯ ОТ СОБЕСЕДНИКА». Многочисленная группа ФЕ, описывающая эмоции стыда, представлена следующими единицами: *не знать куда глаза девать / деть*;

прятать глаза (взгляд); опускать / опустить глаза (взгляд, взор) и т. д. В структуре данных фразеологизмов выделяется компонент *глаза (взгляд, взор)*, который символизирует орган, посредством которого человек воспринимает окружающую действительность. Образ таких ФЕ создается метафорой «глаза — отражение душевного состояния»: *Ты понимаешь, что тебя вдобавок показывают по телевизору, и этот горький момент твоего локального поражения наблюдает вся страна. Ты не знаешь куда деть глаза. Хочется спрятаться в черепаший панцирь* [Там же].

ОБРАЗ, ОСНОВАННЫЙ НА ОППОЗИЦИИ «СВЕТЛЫЙ — ТЕМНЫЙ». ФЕ *туча тучей; мрачнее (темнее) тучи* опираются на древнейшее противопоставление «светлый (беззаботный, радостный) — тёмный (грустный, печальный)». Например: *Тренер «Удинезе» после игры был мрачнее тучи* [Там же].

ОБРАЗ «ДУША (СЕРДЦЕ) — ТОНКАЯ МАТЕРИЯ, СПОСОБНАЯ РАЗРУШИТЬСЯ». Данный образ лежит в основе ФЕ, представляющих страдание, муку: *сердце кровью обливается / облилось у кого, чьё; сердце надрывается чьё, у кого; душа (сердце) разрывается (рвётся) (на части); душа (сердце) перевертывается / перевернулась у кого, в ком и т. д.* В структуре данных ФЕ выделяется компонент *душа (сердце)* как символ средоточия эмоциональных переживаний. Такие ФЕ построены на метафоре «душа (сердце) — тонкая материя, которая может не выдержать сильных чувств, душевных переживаний»: *Сердце моё разрывается от печали. Хозяин ушёл из жизни с этими чёрными планами, и ничто теперь не в силах вырвать его из объятий Сияющей Пустоты* [Там же].

ОБРАЗ «ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ — ЗАБОЛЕВАНИЕ, УТРАТА ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ». ФЕ, базирующиеся на данном образе, описывают ситуации, приводящие к усталости, переутомлению, ср.: *голова идёт (ходит) / пошла кругом чья, у кого (голова кружится / закружилась чья, у кого)* ‘кто-л. теряет способность ясно соображать от множества дел, забот и т. п.’ [Фразеологический ..., 1986, с. 111]; *без задних ног* ‘не в состоянии двигаться от усталости, переутомления и т. п.’ [Там же, с. 280]; *сбиться с ног* ‘сильно устать, изнемогать от хлопот, суесть’ [Там же, с. 409]; *валиться (падать) с ног от чего* ‘приходя в полное изнеможение, не быть в состоянии держаться на ногах’ [Там же, с. 55] и т. д.

В структуре данных ФЕ часто выделяется компонент *голова*, символизирующий инструмент, посредством которого осуществляется мыслительная деятельность. Дела, работа, заботы и т. п. препятствуют нормальному функционированию данной части тела: *Голова кругом идет от обилия известных заморских имен* [НКРЯ].

Кроме того, частотным в структуре данных фразеологизмов является также компонент *ноги*, символизирующий «инструмент», при помощи которого человек перемещается в пространстве. Усталость, дела и т. п. препятствуют нормальному функционированию данной части тела (*валиться (падать) с ног*): *Как часто, приходя домой, мы **валимся с ног** от усталости?* [Там же].

4. Выводы

Проведенный анализ фразеологического материала позволяет сделать следующие выводы:

(1) Для исследования каузальных отношений на уровне фразеологии приоритетной оказывается широкая трактовка понятия «каузация» как объединяющего в себе причинно-следственные, целевые, условные и уступительные отношения. Взаимозависимость причины и следствия представляет ядро каузальных отношений как наиболее типичной и существенной связи объективной действительности, что обуславливает более частую фиксацию причины и следствия в фразеологической картине мира русского языка, чем других каузальных отношений.

(2) Лингвокультурологический анализ фразеологизмов позволил выявить национально-культурную специфику репрезентации семантики следствия фразеологическими средствами русского языка. Данные ФЕ преимущественно употребляются в ситуациях, представляющих следствие как проявление различных эмоциональных состояний субъекта. При этом описание следствия невозможно без учета семантики причинного компонента ситуации. Фразеологизмы, описывающие негативные эмоции, более частотны, чем ФЕ, представляющие положительные эмоциональные состояния.

(3) Анализ внутренней формы исследуемых фразеологизмов позволил выявить лежащие в их основе образы, базирующиеся на архетипических оппозициях «верх — низ», «светлый — темный» (позитивные эмоции соотносятся с первым компонентом оппозиции, негативные — со вторым), «разум — эмоциональное и чувственное начало», определить семантические модели ФЕ, фиксирующие отождествление негативных эмоций с физическими ощущениями (эмоции страха), физиологическими изменениями в человеческом организме (гнев, раздражение), с деформацией части тела или органа (тревога, беспокойство), утратой физического здоровья (ситуации, описывающие усталость, переутомление). Были выявлены наиболее частотные компоненты в структуре ФЕ указанной семантики, такие как *сердце, душа, голова, ум, память*, символизирующие эмоциональное и интеллектуальное начало в человеке.

Источники

1. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В. Н. Телия. — 2-е изд. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
2. *Жуков В. П.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. — Москва : Русский язык, 1987. — 448 с.
3. *Жуков А. В.* Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. — Москва : АСТ-Пресс, 2016. — 416 с.
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
5. *Фразеологический словарь русского языка* / под. ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1986. — 1335 с.

Литература

1. *Богуславская О. Ю.* Задумаемся о последствиях : (труды Международного семинара по компьютерной лингвистике «Диалог») [Электронный ресурс / О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина // Диалог. — 2001. — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/materials/archive>.
2. *Верх-низ* // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. — С. 345—346.
3. *Всеволодова М. В.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 208 с.
4. *Всеволодова М. В.* Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова // Вестник Московского университета. — 2001. — № 6 : Филология. — С. 69—101.
5. *Гудков Д. Б.* Телесный код русской культуры / Д. Б. Гудков, М. В. Ковшова. — Москва : «Гнозис», 2007. — 288 с.
6. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — Москва : МГУ, Филол. ф-т, 1998. — 528 с.
7. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1973. — 351 с.
8. *Левонтина И. Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка / И. Б. Левонтина // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 163—241.
9. *Маслова В. А.* Homo Lingualis в культуре / В. А. Маслова. — Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. — 214 с.
10. *Онипенко Н. К.* О субъектной перспективе каузативных конструкций / Н. К. Онипенко // Вопросы языкознания. — 1985. — № 2. — С. 123—132.
11. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. — Москва : Правда, 1989. — 624 с.

12. *Прадід Ю. Ф.* Фразеологічна ідеографія / Ю. Ф. Прадід. — Сімферополь : [б. и.], 1997. — 252 с.
13. *Селіванова О. О.* Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. — Київ ; Черкаси : Брама, 2004. — 276 с.
14. *Степанов Ю. С.* Концепт «Причина» и два подхода к концептуальному анализу языка — логический и сублогический / Ю. С. Степанов // Логический анализ языка. Культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 5—14.
15. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
16. *Теремова Р. М.* Опыт функционального описания причинных конструкций / Р. М. Теремова. — Ленинград : ЛГУ, 1985. — 70 с.
17. *Труб В. М.* Лексика целесообразной деятельности / В. М. Труб // Логический анализ языка. Ментальные действия. — Москва : Наука, 1993. — С. 58—66.
18. *Эмирова А. М.* Избранные научные работы : к 75-летию со дня рождения и 52-летию научной педагогической и общественной деятельности / А. М. Эмирова. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. — 366 с.
19. *Эмирова А. М.* Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. — Ташкент : Фан, 1988. — 90 с.
20. *Яценко Т. А.* Каузация в русском языковом сознании / Т. А. Яценко. — Симферополь : ДИАЙПИ, 2006. — 478 с.

Features of Verbalisation of Semantics of Consequence in Phraseological Picture of the World in the Russian Language

© **Kolesnikova Olga Vyacheslavovna (2018)**, orcid.org/0000-0001-8105-3830, PhD in Philology, associate professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (structural unit “Taurida College”) (Simferopol, Republic of Crimea, Russia), olgakolesnikova128@gmail.com.

The article is devoted to the study of phraseological units with semantics of consequence. One of the segments of the concept of CAUSATION is considered, which covers causation, target, conditional and concessional relations. Linguistic and cultural analysis allows to reveal national and cultural peculiarities of verbalization of the mentioned semantics at the level of phraseology. It is shown that phraseological units, which contain the component of consequence in their structure, represent situations of emotional shocks, great physical and mental stress, have causal indicators *ot kogo-*, *ot chego-li-bo* ‘from someone, from something,’ are included in contexts, containing an indication of the cause. The analyzed material confirms the well-known thesis that idioms describing negative emotions prevail in quantitative terms over phraseological units representing positive emotions. The structure of the thematic group of phraseological units involving determination of such semantic groups as “Joy. Delight. Happiness,” “Fear. Horror,” “An-

ger. Rage," "Despair," "Anxiety. Excitement," "Confusion. Shame," "Sadness," "Surprise. Astonishment," "Suffering. Flour." The main forms underlying the idioms in the studied groups are described. It is noted that in the structure of phraseological units components *serdtse* 'heart,' *dusha* 'soul,' *golova* 'head,' *um* 'mind,' *pamyat* 'memory' symbolizing the emotional and intellectual nature of a person are frequent.

Key words: phraseology; linguo-culturology; semantics of consequences and causes; emotional state.

Material resources

- Molotkova, A. I. (ed.) 1986. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
- Teliya, V. N. (ed.) 2006. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotrebleniye. Kulturologicheskiy kommentariy*. Moskva: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.).
- Zhukov, V. P, Sidorenko, M. I, Shklyarov, V, T. 1987. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- Zhukov, A. V, Zhukova, M. E. 2016. *Slovar' sovremennoy russkoy frazeologii*. Moskva: AST-Press. (In Russ.).

References

- Boguslavskaya, O. Yu, Levontina, I. B. 2001. Zadumayemysya o posledstviyakh: (trudy Mezhdunarodnogo seminar po kompyuternoy lingvistike «Dialog»). In: *Dialog*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive>. (In Russ.).
- Emirova, A. M. 1988. *Russkaya frazeologiya v kommunikativnom aspekte*. Tashkent: Fan. (In Russ.).
- Emirova, A. M. 2008. *Izbrannyye nauchnyye raboty*. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya i 52-letiyu nauchnoy pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti. Simferopol: KRP Izdatel'stvo «Krymchepedgiz». (In Russ.).
- Levontina, I. B. 2006. Ponyatiye tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 163—241. (In Russ.).
- Maslova, V. A. 2004. *Homo Lingualis v culture*. Vitebsk: Izd-vo VGU im. P. M. Masheva. (In Russ.).
- Onipenko, N. K. 1985. O subektnoy perspektive kauzativnykh konstruktsey. *Voprosy yazykoznaniya*, 2: 123—132. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. 1989. *Mysl' i yazyk*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Pradid, Yu. F. 1997. *Frazeologichna ideografiya*. Simferopol. (In Russ.).
- Selivanova, O. O. 2004. *Narisi z ukrainskoï frazeologii (psikhokognitivniy ta etnokulturniy aspekti)*. Kiïv; Cherkasi: Brama. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. 1991. Kontsept «Prichina» i dva podkhoda k kontseptualnomu analizu yazyka logicheskii i sublogicheskii. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kulturnyye kontsepty*. Moskva: Nauka. 5—14. (In Russ.).

- Teliya, V. N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvo-kulturologicheskiy aspekty*. Moskva: Shkola “Yazyki russkoy kultury”. (In Russ.).
- Teremova, R. M. 1985. *Opyt funktsionalnogo opisaniya prichinnykh konstruksiy*. Leningrad: LGU. (In Russ.).
- Trub, V. M. 1993. Leksika tselesoobraznoy deyatel'nosti. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Mentalnyye deystviya*. Moskva: Nauka. 58—66. (In Russ.).
- Verkh-niz 1995. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t., I. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 345—346. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Vinogradova, E. N. 2001. Sredstva svyazi, uchastvuyushchiye v vyrazhenii prichinno-sledstvennykh otnosheniy, v ramkakh funktsionalno-kommunikativnogo opisaniya yazyka (korpus sredstv i aktualnoye chleneniye). *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 6: Filologiya. 69—101. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V. 2008. *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
- Yashchenko, T. A. 2006. *Kauzatsiya v russkom yazykovom soznanii*. Simferopol: DI-AYPI. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. 1973. *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazika*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. 1998. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva: MGU, Filologicheskiy fakultet. (In Russ.).